

Смирнов Сергей Иванович

**Духовный отец в древней
восточной церкви**

История духовничества на Востоке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Иванович С.**
Духовный отец в древней восточной церкви: История духовничества на Востоке / Смирнов
Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 368 с.

ISBN 978-5-519-74136-1

ISBN 978-5-519-74136-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

исповѣдь 250 и вопросъ объ исповѣди тайной въ древней церкви 251. „Наставникъ и руководитель“ Климентъ Александрійскаго 255. „Неискусный врачъ“ Оригена 260. Покаянный пресвитеръ 262. Сравненіе покаяннаго пресвитера съ духовнымъ отцемъ 269. Вопросъ о ближайшихъ преемникахъ покаяннаго пресвитера, по изгладямъ проф. Павлова 272 и проф. Суворова 275. Епископъ какъ совершитель тайной исповѣди 277. Примеры совершенія покаянія пресвитерами въ періодъ вселенскихъ соборовъ 281. Выводы 290.

Особенности покаянной дисциплины въ церкви, благопріятствовавшія распространенію среди мірянъ монастырской покаянной дисциплины (295—328) Сравненіе той и другой 295. Разстройство церковной дисциплины на Востоку 298. Невыясненность церковнаго ученія о правѣ вязать и рѣшати 302. Иконоборческія времена 307. Разладъ іерархін и монашества (партія студитовъ) 309. Разладъ подготовлялся давно 310. Усиленное вниманіе монастырскихъ старцевъ въ дѣло исповѣди и покаянія мірянъ 314. Свидѣтельство посланія Θεодора Студита о распоряженіи патр. Никифора 318. Чорты покаянной дисциплины въ иконоборческую эпоху 322. Заключеніе 327.

Приложенія 329—341

I. Свидѣтельство о тайнѣ исповѣди. 331

II. Свидѣтельства объ исповѣди Анастасія Синаита и Петра Хартофилакса 334

Опечатки и поправки. I—II

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По первоначальному плану предлагаемое изслѣдованіе должно было выйти въ одной книгѣ. Но по мѣрѣ хода работы увеличивался матеріалъ, намѣчались новые вопросы и открывались новыя стороны вопросовъ, поставленныхъ заранѣе. Все это намного расширило изслѣдованіе и заставило раздѣлить его на двѣ части. Авторъ считаетъ нужнымъ сказать объ этомъ читателю, чтобы оградить себя до нѣкоторой степени отъ упрековъ. Такъ, въ иныхъ мѣстахъ онъ дѣлалъ ссылки на дальнѣйшія разсужденія въ предлагаемой книгѣ (см. стр. 98, 161 fin., 201), между тѣмъ какъ, съ раздѣленіемъ изслѣдованія на двѣ части, эти отдѣлы не вошли въ первую книгу, а найдутъ себѣ мѣсто во второй. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ авторъ не нарушилъ своего слова, а только отсрочилъ его исполненіе.—Постепенное расширение плана въ деталяхъ по мѣрѣ его выполненія замѣтно въ книгѣ и также можетъ сбивать читателя. Такъ напримѣръ, вторая половина III главы по оглавленію въ текетѣ (стр. 177) значительно короче, чѣмъ она вышла въ результатѣ. Полное и совершенно точное ея содержаніе читатель найдетъ въ общемъ оглавленіи книги.

VIII

Обширность и дробность матеріала, которымъ пришлось располагать автору, вызвали пропуски и недомолвки, думаемъ, до нѣкоторой степени извинительныя въ сложной работѣ, тѣмъ болѣе, что они не колеблютъ выводовъ изслѣдованія, ни общихъ, ни частныхъ. Поэтому, отлагая рядъ добавленій и разъясненій до II части, въ концѣ настоящей книги авторъ дѣлаетъ лишь поправки нѣкоторыхъ неточностей, вкравшихся по недосмотру или забвенію.

С. С.

18 мая 1906 г.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ. ¹⁾

Изученіе дисциплины и быта древне-русской церкви совершенно естественно уводитъ изслѣдователя въ исторію древней восточной церкви. И это не потому только, что русская церковь—наслѣдница древней и часть восточной, не потому, что русская митрополія, четыре съ половиной вѣка входившая въ составъ Константинопольскаго патріархата, устроена была по образцу греческихъ митрополій, но еще и потому, что русская церковная исторія крайне бѣдна оригинальными источниками. Мы часто не имѣемъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ сообщеній о важнѣйшихъ событіяхъ исторіи нашей древней церкви, въ свое время волновавшихъ народъ и власти, а описаніе будничныхъ явленій церковнаго быта или привычныхъ институтовъ церковнаго права и не входило никогда въ задачи нашихъ древнихъ авторовъ. И вотъ для возстановленія картины строя древне-русскаго церковнаго управленія и быта изслѣдователю приходится обращаться на Востокъ; онъ принужденъ вести работу окольнымъ путемъ сравнительнаго изученія. Такимъ методомъ Е. І. Голубинскій возстановилъ исторію церковнаго управленія въ кievскій періодъ, объяснивъ тѣ намеки нашихъ источниковъ, которые до него не понимали или невѣрно толковали,—написалъ главу объ управленіи, одну изъ лучшихъ главъ своей превосходной Исторіи.

И мнѣ, съ моимъ частнымъ вопросомъ пришлось погрузиться въ исторію древней восточной церкви и погрузиться глубоко...

¹⁾ Речь, произнесенная на магистерскомъ диспутѣ 8 іюня 1906 г. предъ защитой диссертациі, — предлагаемой книгѣ.

Больше всего интересуясь древне-русскимъ религіознымъ и церковнымъ бытомъ, я давно остановился на вопросѣ о *древне-русскомъ духовникѣ*. Этотъ институтъ, и теперь существующій какъ особый въ церквахъ—греческой, болгарской, сербской и румынской, и почти забытый у насъ, мнѣ показался интересенъ и самъ по себѣ, какъ предметъ изученія, и въ жизни древней Руси—такъ мнѣ думалось—онъ игралъ большую, хотя не сразу замѣтную роль.

Главные черты древне-русскаго духовничества слѣдующія ¹⁾. Имѣть или держать духовнаго отца обязанъ всякій вѣрующій съ отроческихъ лѣтъ. Христіанинъ безъ духовника—незасѣянная нива, рождающая сорные травы. Но „покаяніе вольно есть“, выборъ духовника свободенъ: вѣрующій самъ искалъ себѣ „іерея или инока разумна и хитра,—отца духовнаго добра, боголюбива и благородна“, хотя часто находилъ „попа запойчива и немудра, сребролюбца, потаковника или гнѣвлива“. Выбранный духовный отецъ былъ также свободенъ въ принятіи вѣрующаго духовнымъ сыномъ: онъ имѣлъ право и отослать его, если боялся погибнуть съ чужими грѣхами. Но вотъ свободный духовный союзъ заключенъ; около мірскаго священника или іеромонаха набирается группа дѣтей духовныхъ, я бы сказалъ—нарождается духовная или покаяльная семья. Такая группа вѣрующихъ не совпадала ни съ какой церковно-административной единицей, напримѣръ, съ приходомъ. Она держалась при помощи только внутренней связи, но держалась крѣпко. Нравственное положеніе духовнаго отца въ древней Руси было очень высоко: онъ являлся безусловнымъ и никѣмъ неограниченнымъ нравственнымъ руководителемъ своихъ чадъ. Его воля—законъ; судъ—безъ апелляціи. Духовныя дѣти обязаны имѣть къ отцу великую любовь и вѣру, слушать его во всемъ, безъ его позволенія или прямого приказанія не ступать ни одного шага въ духовной жизни.

Таковъ идеалъ отношеній духовника и дѣтей духовныхъ. Идеалъ этотъ у насъ въ древности осуществился въ своеобразныхъ *бытовыхъ формахъ*. Единный и несмѣняемый духовный отецъ разлучается съ духовнымъ сыномъ только смертію

¹⁾ Обстоятельныѣе объ этомъ см. въ нашемъ очеркѣ *Древне-русскій духовникъ*, Сергіевъ Посадъ 1899 (отд. оттискъ изъ *Богосл. Вѣстн.* 1898 г.).

своей или его. Духовникъ, уходя куда-нибудь далеко, если онъ мірской священникъ—удаляясь на покой въ монастырь, поручаетъ свою паству другому; умирая, передаетъ по завѣщанію. И духовныя дѣти своимъ долгомъ считали признавать волю отца, если даже она имъ непріятна, если назначенный отецъ неугодеенъ. Ихъ самостоятельность въ выборѣ новаго духовника нѣкоторыми осуждалась. Никому не порученныя дѣти духовныя чувствовали себя осиротѣлыми и не знали, могутъ ли идти на исповѣдь къ другому.

Вотъ общія черты древне-русскаго института духовничества, который давно показался мнѣ заслуживающимъ изученія. Тогда же я предположилъ, наличие двухъ элементовъ, сочетавшихся въ этомъ своеобразномъ институтѣ: *монастырскаго строя и народнаго быта.*

Та роль, которую игралъ духовникъ въ древне-русской жизни, мнѣ представлялась значительной и также интересной. Покаянная дисциплина древности отличалась отъ современной,—была гораздо строже. Епитиміи налагались духовникомъ за всякіе грѣхи, тяжкіе и легкіе. Не были рѣдкостью епитиміи публичныя, встрѣчались (хотя не часто) даже покаянныя степени. Значитъ, власть духовнаго отца надъ вѣрующими простиралась далеко. Затѣмъ. Покаянная практика духовнаго отца непременно соединялась съ практикой монастырской и учительной и немислима была безъ нея. Исповѣдываться у случайно попавшагося священника, чтобы потомъ и забыть о немъ, совершенно было не принято въ древней Руси. Изъ года въ годъ или изъ поста въ постъ вѣрующій ходилъ на исповѣдь къ одному, разъ набранному духовнику. Но исповѣдь даже стороннему священнику по нуждѣ признавалась уже актомъ его гоженнаго набранія въ духовные отцы. Случалось такъ. Бояринъ въ походѣ или на воеводствѣ, вдали отъ своего духовнаго отца, захвораетъ и исповѣдается по нуждѣ у мѣстнаго священника. Послѣ того онъ считаетъ этого священника своимъ духовнымъ отцемъ до конца дней рядомъ съ прежнимъ духовникомъ. Такъ даже единичный фактъ исповѣди являлся актомъ вступленія вѣрующаго въ особенныя отношенія съ духовникомъ,—подъ паству отца духовнаго.

Учительный элементъ несомненно былъ присущъ нашей древней исповѣди. И предварялась и сопровождалась она поуче-

піяни, авторами которыхъ были древніе духовники, греческіе и русскіе. Духовники писали чадамъ своимъ еще особія посланія, назидательно - дисциплинарныя, которыхъ не мало сохранилось въ рукописяхъ. Извѣстна постановка церковно-учительнаго дѣла въ московской Руси. Живої проповѣди не было. Ее замѣняла учительная книга, которую вѣрую-щій слушалъ въ церкви, на монастырской трапезѣ и которую читалъ, если умѣлъ, дома. Справедливо замѣчаютъ, что „распространеніемъ христіанскаго пресвѣщенія и церковностью быта наша древняя, отсталая Русь была обязана болѣе книгѣ, чѣмъ устному слову“ ¹⁾. *Единственнымъ живымъ учителемъ свирь*—или скромнѣе—истолкователемъ той же самой учительной книги являлся *духовникъ*. Не было тогда живого учительства общественнаго и церковнаго, но было тайное, индивидуальное. Когда въ половинѣ XVII в. подъ вліяніемъ кievскихъ ученыхъ стала появляться на Москвѣ живая церковная проповѣдь, это вызвало ропотъ и негодование въ московскомъ духовенствѣ. „Заводите вы, ханжи,—говорилъ попъ Прокофій попу Ивану Гаврилову,—ересь новую: единоголасное пѣніе и людей въ церкви учить; а мы людей прежде сего въ церкви не учивали, а учили ихъ въ тайнѣ“. Тайное учительство, которое такъ энергично защищалъ попъ Прокофій, и есть именно учительство на духу и при личномъ общеніи съ духовными дѣтьми. Дѣйствительно, церковная власть въ древней Руси на прѣдпространствѣ многихъ вѣковъ въ святительскихъ поученіяхъ и постановленіяхъ соборовъ (напримѣръ,—Стоглаваго) неизмѣнно и настоятельно предписывала священникамъ учить или наказывать дѣтей духовныхъ, т. е. обращалась къ священникамъ, какъ къ духовникамъ, именно съ духовничествомъ ихъ связывала ихъ пастырскую и учительную обязанность. Совершенно также смотрѣли на свои обязанности и сами священники древней Руси. Среди нихъ распространена была мысль, будто каждый священникъ обязанъ наставлять и учить только въ предѣлахъ своей духовной семьи, потому-что онъ дастъ отвѣтъ Богу за души лишь дѣтей своихъ духовныхъ. Священникъ не-духовникъ сво-

¹⁾ Проф. Н. К. Никольскій. Историческія особенности въ постановкѣ церковно-учительнаго дѣла въ московской Руси (XV—XVII вв.). СПб. 1901, 7 стр.

бодень отъ учительной обязанности. И какъ это ни страшно, мы встрѣчаемъ въ древней Руси прямыя запрещенія священнику учить—запрещенія „несмысленнымъ пошамъ“ учить или читать предъ людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и держать дѣтей духовныхъ.

Итакъ вы видите, что нашъ древній духовникъ, по крайней мѣрѣ въ московской Руси, былъ единственнымъ живымъ учителемъ народа. Онъ толковалъ ему божественную книгу. Онъ примѣнялъ къ частному вѣрующему предписанія церковнаго устава. Воля епископа доходила до паствы опять таки чрезъ волю и разумъ духовныхъ отцевъ.

Чему же и какъ училъ народъ древне-русскій духовникъ? Извѣстно, какъ понималась религія нашими предками. Она понималась какъ обрядъ, другими словами, какъ дисциплина молитвы и дисциплина жизни. Все остальное въ христіанствѣ: догматы, мораль, даже мистическая сторопа стояло на второмъ планѣ, а можетъ быть вѣрнѣе будетъ сказать,—мыслилось составною частью того же обряда. И вотъ этимъ двумъ дисциплинамъ—молитвы и жизни поучалъ вѣрующихъ духовникъ древней Руси. Имѣя руководствомъ божественную книгу, главнымъ образомъ каноническую, отчасти учительную, онъ началъ это тайное, незримое и потому ускользающее отъ историковъ дѣло тогда, когда наши предки „звѣрнымиъ обычаемъ живяху“, когда языческій бытъ народа стоялъ предъ служителемъ церкви прочно, ничуть непоколебленный, и кончилъ тѣмъ, что создалъ на Руси полу-монастырскій бытъ, о которомъ мы читаемъ въ Домостроѣ, обрядъ и міросозерцаніи, которые нашли себѣ полное выраженіе въ старообрядствѣ,—создалъ то, что умираетъ въ русскомъ народѣ въ наше время, время величайшаго историческаго переворота.

Интересъ историка въ прошедшемъ, хотя бы оно безповоротно умирало или давно безслѣдно умерло. И если бы онъ, какъ я, заинтересовался исторической судьбой этой разрушающейся теперь религіозной и церковной дисциплины,—какъ она слагалась сама въ себѣ, какъ прививалась къ жизни народа и ее преобразовывала, этотъ историкъ долженъ пойти по рукописнымъ книгохранилищамъ, отряхнуть пылъ вѣковъ отъ духовническихъ руководствъ,—отъ покаянныхъ помокановъ или зинарей, „книгъ мапакануныхъ“, глядя въ кото-

рыя отецъ духовный исправлялъ „грубости людскія“. Такихъ рукописей, часто носящихъ слѣды долгаго употребленія, за-
капанныхъ и затертыхъ не мало. Онѣ попадаются въ каждой
значительной рукописной библіотекѣ. Между тѣмъ эта по-
каянная литература мало изучена, даже разнѣ оцѣнивается
историками. Одни (Н. С. Тихонравовъ) видятъ въ ней важ-
ный источникъ для исторіи образованности, нравовъ и об-
щественнаго развитія древней Руси. Другіе же (проф. Е.
Пѣтуховъ) считаютъ ее всецѣло переводной, не оригиналь-
ной, не отразившей древне-русской жизни и потому не
имѣющей большого значенія въ смыслѣ историческаго
источника. Естественно,—такіе разнорѣчивые взгляды толь-
ко возбуждали любознательность, совершенно понятную
въ историкѣ русской церкви, наука котораго скудна ис-
точниками. У меня возникла мысль, нельзя ли извлечь
что-нибудь цѣнное для исторіи древне-русскаго быта
изъ древней покаянной письменности. И то, что я ус-
пѣлъ узнать и изучить, мнѣ говорило, что это можно,
но только длиннымъ путемъ кропотливаго сравнительнаго
изученія.

Несомнѣнно то, что древне-русская покаянная письмен-
ность находилась подъ сильнымъ вліяніемъ греческой, а мо-
жетъ быть отчасти и латинской ¹⁾. Руководства къ исповѣди
и наложенію епитимій имѣютъ въ основѣ своей греческія
такъ называемыя Номоканонъ Іоанна Постника въ разныхъ
редакціяхъ. Рядъ дисциплинарныхъ правилъ и статей, со-
ставляющихъ большую часть упомянутыхъ мною зинарей,
опять таки лишь узоры по греческой канвѣ. Канвою ихъ
служить греческій покаянный номоканонъ (вт. пол. XII—
XIV вв.), по имени издателя называемый Котельеровымъ.
Но за вычетомъ этихъ греческихъ источниковъ оставалось
много любопытнаго матеріала и въ немъ несомнѣнно есть на
лицо русскія черты, напр. отдѣльныя статьи Вопросанія
Кирика, иногда въ особенной редакціи,—правила митр. Іоанна,
поученія архіеп. Іліи-Іоанна и т. д. Для меня стало ясно,
что научно разобратъся въ древне-русской покаянной пись-
менности возможно, только послѣ тщательнаго изученія по-

¹⁾ Значительное вліяніе со стороны католическаго запада на древне-
русскую покаянную письменность предполагаетъ проф. Н. С. Суворовъ